

ХАМСИН

Рассказ

Африканский ветер хамсин, дувший той весной уже второй месяц, настиг нас в Красном море. Он задержался в пустыне, и его теплые пульсирующие волны несли мелкую коричневую пыль. Эта пыль проникала повсюду — в машинное отделение корабля и радиостанцию, в навигационную аппаратуру мостика и в каюты. От нее краснеют глаза, хрустит между зубами, затрудняется дыхание, высыхает вода в графинах, а слюна во рту делается густой и колючей. За несколько дней она изменяет моряков: их голоса становятся хриплыми и меланхоличными — невыносимая грусть заполняет их ночи.

Мы плыли очень долго — отправились в путь год назад, три месяца шли по Тихому океану, дважды бежали от тайфуна, очутились как-то и в Индийском океане, а после Адена — до родных берегов оставалось не так много. Но в зоне Суэцкого канала бушевал песчаный ветер, и канал был временно закрыт, а в заливе перед Суэцом скопилось более ста кораблей. Мы с тревогой следили за прогнозом погоды — у каждого из нас гарантийный срок давно кончился и нервы были натянуты. Бросили якорь за одним «норвежцем» — старым кораблем среднего размера, степенным и изящным, и начали ждать.

На третий день из пилотской станции в Суэце сообщили, что караван двинется завтра. По радио голос диспетчера-араба был слащавый, словно, говоря, он лизал сливочное мороженое.

День шел к закату.

Когда подплыл катер (в нем должны были собраться желающие совершить экскурсию по городу), капитан разрешил второму помощнику и мне пойти в Суэц.

Как только мы сошли с катера и двинулись по улицам, стало невыносимо душно, но мы шли дальше: зайдем в какой-нибудь бар, выпьем чего-нибудь холодненького.

Но в баре, куда мы вошли, не было мест. Остановились перед стойкой, осмотрели еще раз заведение, и, когда пошли к выходу, от соседнего стола до нас донесся голос:

— Господа!..

Посмотрели туда — пожилой человек приглашал нас к столу. Поблагодарили и сели.

— Вы с болгарского корабля, — сказал человек, и я взгляделся в него. У него были седые волосы, худощавое лицо северянина, а глаза — голубые и детские, какими могут быть глаза только у пожилого капитана из рассказа Джозефа Конрада. — Я капитан корабля «Ачернар», который стоит перед вами, сказал он на великолепном английском языке. — Я заметил вас, когда вы садились в лодку. Меня зовут Кнуд Эрихсон.

Из музыкального автомата доносился веселый шлягер — два длинноколых малайца совали по нескольку монет сразу в кассу автомата и блокировали одну и ту же мелодию. Из заднего кармана одного из них торчала вилка. Капитан «Ачернара» поднял левую руку, вроде хотел подпереть голову, а на самом деле заткнул ухо, чтобы не слышать.

— Я бы хотел угостить вас, — сказал он и улыбнулся. Вопреки искусственным зубам улыбка у него была привлекательной, застенчивой, всепрощающей. — У меня есть повод!

Мы посмотрели друг на друга: вероятно, старику сообщили, что у него родился внук, и теперь мы, спустившись на несколько часов на берег, чтобы отдохнуть, должны выслушать целую тираду о его сыне или дочери — какие они хорошие, какие они воспитанные и талантливые. Северяне, как только начинают сентиментальничать, становятся невыносимыми.

Кажется, капитан Эрихсон почувствовал наши опасения, улыбнулся криво с грустинкой, а после посмотрел на выход. В его глазах запечатлелась давняя печаль, и я понял, что бывают мгновения в жизни, когда случайно повстречавшийся человек становится неожиданно близким для тебя.

— Извините, пожалуйста, — сказал я. — Мы заглянули сюда, чтобы немножко охладиться. А каков повод?

Капитан повернулся к стойке, и оттуда к нам вышла официантка-арабка с высокой грудью и матовой кожей. Он заказал для нас двойную порцию виски.

— Благодарю за компанию, — сказал Эрихсон, когда поднесли стаканы. — Это моя последняя пристань. «Ачернар» — мой последний корабль. А вы — последние моряки, с которыми я разговариваю. Мои мальчики не считаются, они у меня работники. В Болгарии хорошие моряки, у меня приятные впечатления от болгар.

— Как это понимать «последние моряки»? — спросил второй помощник.

Капитан Эрихсон снова улыбнулся, больше глазами.

— Вчера получил радиogramму от хозяина моего корабля. Я служу в компании сорок лет. Ну, вот — и дослужился до пенсии... Пенсия у меня хорошая, и сам я не беден, но тратить мои деньги некому, вся жизнь отдана морю.

Ситуация предвещала банальное развитие, но я восторжен — сорок лет на море!.. Сорок лет голубая бездна под тобой; величавые небеса и дикое одиночество; ревущие ветры и подпрыгивающее среди жестокой подлой воды железо; обжигающее солнце и никакой ласки. И чужие пристани, после чего чувствуешь себя еще более одиноким... Я плавал несколько лет — за спиной у меня и ностальгия, и соль шести-семи рейсов до Дальнего Востока, а человек напротив меня прожил всю жизнь на море. К ногам такого можно упасть.

— Я плавал везде, — сказал капитан Эрихсон. — В молодости у меня были друзья... Теперь я собираюсь купить небольшое имение недалеко от Ставангера. Оно приглянулось мне давно... На самом островке в начале фиорда.

— А у вас есть семья?

— Нет, — тихо ответил капитан. — К сожалению... Моряк должен иметь семью. Надо, чтобы кто-то нас ждал, иначе море ожесточает.

— Когда-то я учился играть на фортепиано, — внезапно продолжил Эрихсон. — Пророчили большое будущее!.. По окончании музыкального училища я выступил с сольным концертом. Играл Феликса Мендельсона — Бартольди. И, конечно, Грига... Что помнится с того вечера? Горячие аплодисменты, цветы и она, Деви Сандвиг, моя любимая девушка. Она стояла передо мной: длинные медные волосы, огромные карие глаза, золотистые веснушки на бледном лице — их я больше всего любил... Поцеловала в лоб... Попрощались. Собиралась ехать в Осло со своим будущим супругом — женщины всегда находят другого, когда уходят от нас. Для девятнадцатилетнего любовь — это все. На следующее утро я снял свои сбережения и купил рояль, на котором выступил с единственным концертом. Спустя месяц поступил в высшую мореходную школу «Марината», закончил ее и с тех пор — на море. Рояль вожу с собой — с корабля на корабль.

Пока рассказывал, капитан Эрихсон смотрел перед собой, но несколько раз умолкал и искал наши глаза, словно колебался — продолжать или хватит. Поэтому часто повторял:

— Мы, норвежцы, молчаливые люди... Простите болтовню старого человека, но это моя последняя пристань, последний мой корабль, последние моряки, с которыми я встречаюсь...

Мы молчали. Малайцы давно незаметно смотались.

Когда мы сели на катер и через какое-то время он приблизился к трапу норвежского корабля, капитан Эрихсон протянул нам руку. Правая рука у него была горячая, костлявая и сильная. Мы пожелали друг другу счастливого плавания.

Вдруг задул сильный ветер, вода почернела, вокруг всплыли лиловые медузы. В двух метрах от корабля плыла огромная акула, перед ней — три рыбки-лоцманы. Отвратительные глаза акулы впились в мое сердце. Нерадостное предчувствие охватило душу, повернулся — с

юго-запада словно коричневая стена надвигался ветер хамсин. Через десять минут он обрушится на нас...

Катер качался, а я стоял, широко расставив ноги, чтобы сохранить равновесие, смотрел на приближающуюся песчаную стену и с тревогой и ожесточением думал, что, может быть, так, как этот хамсин, наехала неразделенная любовь на молодого Кнуда Эрихсона, чтобы забросить его на всю жизнь в море. Он разминуся с любимой девушкой, сопротивлялся тоске по ней, перетерпел земные и неземные мучения, но не смог забыть ее и пронес в сердце через жизнь тот горький день навсегда задохнувшегося счастья.

Все сто шестьдесят километров Суэцкого канала мы плыли на два кабельтова от «Ачернара». Вдоль канала все еще были видны укрепления военного времени, сетки колючей проволоки, противотанковые заграждения.

В Горьком озере мы простояли несколько часов, ожидая караван с севера. Справа от нас, над водой, торчали мачты утонувшего корабля. Неподалеку от озера гнезился поселок. У подножия горного массива, среди пыльных пальм, он был еле заметен. У меня возникло ощущение, что его дома не были домами, а это были огромные глиняные сосуды, поставленные рядами, чтобы сохнуть. Но какой-то выпивший пришелец, качаясь проходя мимо, разбивал их один за другим...

До обеда я стоял на вахте. В какой-то момент я поднял бинокль, направил его на «Ачернар» — на мостике стоял капитан Эрихсон в форме, сосредоточенный и недосягаемый, как статуя. Он смотрел на затонувший корабль.

В порту Сайде наши корабли разошлись. Мы следовали курсом на Триполи, груз был направлен туда. Нас одолевала досада и нетерпение перед возвращением, и я забыл о капитане Эрихсоне.

Через неделю мы поплыли к Варне. Недалеко от Бискайя, где-то к полуночи, возвращаясь с вахты, я решил заглянуть в радиорубку и там выкурить сигарету — последнюю перед сном.

Когда я вошел в помещение, приемник сильно потрескивал. Радист дал знак, чтобы я сел. Я уселся в потрепанное кресло, закурил.

— В Бискае утонул корабль, — сказал радист, снял наушники и добавил: — Бискай кипит, а корабль получил пробоину корпуса. Все произошло за четыре минуты. Не успели спустить спасательные шлюпки.

Я пододвинул дневник ближе к себе, начал читать, но строчки сливались перед глазами — сигналы о бедствии были отправлены с борта корабля «Ачернар» капитаном Кнудом Эрихсоном.

— Погибли, — сказал радист, и я почувствовал, что стал ненавидеть его.

Дочитал страницу и вышел на палубу. Погода была мучительно ясной. В бездонном черном небе, справа от нас, как язычок свечи трепетал Юпитер. Я долго стоял в ночи, облокотившись на леера, а из сердца Африки, из ее утробы свистел жестокий ветер хамсин.

Перевёл с болгарского Веселин Георгиев

Источник:

[ВЕСТНИК МСПС](#)

http://www.hrono.ru/slovo/msps03_01/literat01.htmlНИКОЛА РАДЕВ